

*О межрелигиозном согласии, терактах, радикализации, зарплате сельских имамов и мусульманской интеллигенции – десять ответов ректора Российского исламского института **Рафик Мухаметшин**.*

О прошлом

В 90-е годы в России начала разворачиваться довольно интересная ситуация в религиозной сфере. Это, в первую очередь, связано с открытием всех "ворот". Поэтому влияние, в том числе, идеологическое, было достаточно сильным. Это период демократизации общества – все в одночасье стали демократами. В политической сфере искали какие-то модели.

Открытие границ привело и к тому, что многие наши молодые люди выехали учиться за рубеж. Но, получив образование, они стали постепенно возвращаться. Это одна тенденция.

Но тенденция на обретение свободы выбора и вероисповедания дала возможность открывать медресе и здесь. Поскольку своих кадров и финансов не было, их создавали зарубежные фонды, которые могли быть и приверженцами радикальных направлений. Религиозная исламская сфера оказалась очень уязвимой с точки зрения распространения радикальных идей и ценностей. Например, медресе "Йолдыз" у нас в Татарстане, неожиданно для многих, оказалось "логовом" радикализма. И в Бугуруслане медресе тоже таким проблемным оказалось. Тогда возникла проблема – нужно обучать у себя.

Об университете

Для Казани открытие университета было естественно – город всегда был центром Ислама. Так было и в период Российской империи. И мы открыли здесь университет.

Первая и главная задача университета – обучение мусульманской молодежи, чтобы она не выезжала из России, получая образование здесь, у себя на родине. Миссия университета в этом и заключалась – подготовка высококвалифицированных специалистов в области Ислама, мусульманских религиозных деятелей, богословов у себя в России с учетом наших традиций. Постепенно такие вузы появились в Уфе, в Москве, на Кавказе. Естественно, эту задачу мы пытаемся реализовать уже в течение 15 лет.

О выпускниках

Мы выпускаем специалистов с 2002 года. Первый выпуск был 17 человек, потом 15 человек. Мы не можем пока похвастаться тысячами выпускников. Всего мы выпустили около 500 человек. Их география – практически вся центральная Россия, на заочном отделении учатся студенты из 45 регионов России. Из тех регионов, где компактно проживают татары, к нам приезжают. У нас учится муфтий Беларуси, есть студенты из Украины, Литвы, стран СНГ.

О последствиях терактов

Коренным образом ничего не изменилось. Задача, как она и стояла перед нами, осталась – обучать у себя в стране с учетом многовековых традиций татар по ханафитскому мазхабу. И сегодня эта задача более чем актуальна. После этих трагических событий мы (РИИ – прим.) кардинально свою систему образования не изменили. Говорилось о необходимости переаттестации имамов, которые проходили обучение в зарубежных странах, и это вполне естественно.

Многие пытались это трактовать как какое-то ограничение, но где бы человек ни учился, он должен быть адаптирован к тем или иным условиям.

Об ограничениях

Звучали предложения о том, что никого за рубеж выпускать не надо. Но на самом деле, это не совсем правильно. Хотя мы открыты уже 15 лет, мы только начинаем реализовывать магистерские и докторские программы. Как развиваться? Поэтому наши выпускники учатся в зарубежных вузах – в Турции, Индонезии, Малайзии. Начиная с этого года, мы уже отправляем их учиться в Марокко – в магистратуру.

Мы надеемся, что в ближайшее время у нас появятся свои доктора шариатских наук. С этой точки зрения очень важно использовать многовековой опыт зарубежных стран. В Египте расположено крупнейшее в мусульманском мире религиозное учебное заведение – университет аль-Азхар в Каире. Мы, скорее всего, откроем в Казани его филиал.

Выпускать или не выпускать через границу – это ничего не дает. В области идеологии границ, в принципе, уже нет. Вся молодежь сидит в интернете. У нас тоже есть система дистанционного обучения – они, не приезжая сюда, учатся.

Поэтому, сидя в интернете, можно учиться где угодно, чему угодно. Поэтому закрытие границ - все это более чем условно. На самом деле, для оздоровления общества, для закрытия путей распространения радикализма этого совершенно недостаточно.

Но проблема радикализации – это не только религиозная сфера, её могут стимулировать нерешенность проблем в национальной, социальной и экономической областях.

О стабильности

Мы живем в век глобализации, создать какой-то островок благополучия в настоящее время довольно сложно. Особенно это касается идеологической сферы. Да, органы власти, правоохранительные органы сейчас обучены этим печальным опытом (терактами в Казани –прим.) работать в новых условиях более профессионально. Но радикализация – это, к сожалению, объективный процесс. Она связана с тем, что во всем исламском мире идут очень непростые процессы, идет переформатирование политических институтов. Исчезли, точнее уничтожены традиционные для мусульманского Востока политические системы в Ираке, Ливии. В планах США и Европы сейчас уничтожение Сирии. Весь мусульманский Восток сегодня очень сильно подвержен радикализации. Естественно, отголоски этих событий никак не могут обойти Россию.

О толерантности

У нас в России принципы толерантности, опыт мирного сосуществования представителей различных народов и конфессий имеют многовековые традиции. Их корни очень крепкие, поэтому расшатать мир и порядок, например, в Татарстане не так просто. Но мы живем в век глобализации. Традиционные ценности, на чем держались эти принципы, постепенно подменяются иными, чуждыми идеями, принципами. На первый взгляд кажется, что в них нет ничего страшного. Но идет процесс размывания фундаментальных основ этнокультурной и религиозной идентичности. Что будет взамен? В светской сфере безликая массовая культура, а в конфессиональной – новый мазхаб или вовсе безмазхабщина? Ответ на этот вопрос зависит от многих факторов, в том числе и от внешних.

Теракт в Казани 2012 года на проблему толерантности заставляет смотреть уже по другому. Не живем ли мы идеями о толерантности в представлениях вчерашнего дня или далекого прошлого? Не появляется ли среди нас та прослойка людей, которой совершенно неприемлемы иные суждения, кроме тех, которые она считает единственно верной?

Где истоки этой нетерпимости? Внутренние процессы или внешние силы? Поэтому сохранение толерантности в обществе сегодня архисложная задача.

О трудностях

Самая большая проблема сегодня нехватка высокопрофессиональных специалистов в религиозной сфере: мало образованных имамов, не хватает преподавателей вузов и медресе.

Только в Татарстане у нас около 1,5 тыс. мечетей, но, к сожалению, в половине из них имамам за 60 лет. Примерно в 50 мечетях вообще нет имамов. Не говоря уже о других регионах России, где ситуация еще хуже. Ситуация, на самом деле, за годы исламского возрождения по кадрам кардинально не изменилась, хотя мы очень много выпускаем имамов. Не все наши выпускники идут в мечети. Мотивация в нашей сфере очень низкая – в деревне имаму зарплаты платить нечем, социальной защиты нет, квартиры нет. Городские мечети, в принципе, способны себя содержать, а сельские – нет. Поэтому

проблема кадров для конфессиональной сферы – это не только система образования. Это и правильно определенные приоритеты работы духовных управлений, поддержка государства и др.

О балансе

Мусульманская система образования в Татарстане в принципе уже выстроена. В Российской империи татары были одним из самых образованных народов. У татар огромный опыт жизни в поликонфессиональном пространстве. Российская империя была православной, но, тем не менее, татары сумели выстроить довольно мощную систему образования.

Сегодня нужно возрождать традиции ханафитского мазхаба. Для системы мусульманского образования это тоже очень важно, поскольку мы, в основном, готовим имамов для Центральной России, где традиционно преобладали традиции этого мазхаба. Одновременно система образования и в религиозной сфере должна быть современной. Но есть ключевые принципы мусульманского образования, которые необходимо сохранить. Поэтому проблема кадимизма и джадидизма сегодня еще не потеряла своей актуальности.

О мусульманской интеллигенции

Нерешенность многих проблем в обществе, связанные с Исламом, по крайней мере в области богословия, вызваны отсутствием мусульманской интеллигенции. Ее, к сожалению, как прослойки пока нет.

Чем больше интеллигенции, которая всегда готова снять интеллектуальную напряженность в богословской сфере, тем меньше радикальных проявлений. Интеллигенция может вовремя подсказывать, формировать правильное представление о том или ином вопросе.

Это и задача нашего вуза – формировать мусульманскую интеллигенцию.

Беседовала Карина Каримова